

Рогом из «Магистралей»

К 100-летию со дня рождения Григория Левина

Это было в середине 70-х. Григорий Михайлович Левин был дружен с моим отцом, Михаилом Гениным, и как-то раз через него передал мне предложение прийти на занятие «Магистралей», что я и сделала. Григорий Михайлович ознакомился с моими попытками облепить в рифмы «души прекрасные порывы» и как истинный педагог сначала произнёс нечто ободряющее. Но тут же заметил: «Вы прячетесь за слова, а нужно стараться с их помощью раскрыться!» Его взгляд был снайперским, видящим достоинства и недостатки любого текста мгновенно.

Домом Левина была литература, и только под её надёжной крышей он мог жить полноценно и счастливо. Ориентироваться в жизни вне этого дома ему было непросто. Он часто попадал в трагикомические ситуации, которые, если и вызывали у его учеников и друзей улыбку, то непременно в сочетании с восхищением: кто ещё так бескорыстно, не думая о своих нуждах и выгодах, служил слову, помогая войти в литературу многим талантливым людям? Он первым смеялся над собой — смеялся порой до слёз, молодо и заразительно. Такой смех за всю свою жизнь я слышала ещё только у Н.И. Харджиева, писателя, историка литературы и искусства, часто бывавшего у нас дома. Так умеют смеяться только очень молодые люди, полностью, безоглядно отдаваясь смеху — так, как будто в их жизни ещё не было ни настоящего горя, ни непоправимых потерь.

Вот только два связанных с Левиным эпизода, которые не забылись.

Сломанный стул

Литературное объединение «Магистраль» собиралось под крышей Всесоюзного института научной и технической информации (ВИНИТИ) на «Соколе». Занятия обычно начинались с обсуждения стихов или прозы членов лит-

...Среди собравшихся прошел шум: в холле появился пожилой, как мне казалось (ему было тридцать девять лет), человек в потертом сером пальто, с всклокоченной седоватой причёской, в очках с толстыми стеклами. Это был Григорий Михайлович Левин, руководитель «Магистралей». Дверь, у которой мы толпились, он открыл своим ключом и, войдя внутрь, артистическим движением метнул портфель на стол. Портфель плюхнулся, поехал, но у самого края остановился. Люди подступили к Левину, который, раскручивая кашне, рассеянно отвечал на вопросы. Протолкался к нему и я, напомнив, что звонил по телефону и вот пришел записаться.

— Записаться?! — удивился Левин, будто я просил его о чем-то немислимом. — А с какой целью? Что вы собираетесь у нас делать?

— Я пишу стихи, — сказал я, оробев. — Пишете стихи? — иронически переспросил Левин. — Неужели пишете стихи? Как это оригинально! Он пишет стихи, — сообщил он окружающим его «магистральцам», и те тут же весьма саркастически по отношению ко мне и угодливо по отношению к Левину захихикали. Получалось, что то, что они пишут стихи, это не смешно, а что — смешно. — Ну, ладно, — продолжил Левин, протирая очки. — То, что вы пишете стихи, это хорошо. Но у нас все пишут стихи, у нас настолько все пишут стихи, что я даже не знаю людей, которые стихи не пишут. Но для тех, которые пишут стихи, у нас мест больше нет. Есть места для прозаиков, драматургов, даже для критиков, а для пишущих стихи нет. Конечно, если бы вы имели какое-нибудь отношение к железной дороге...

Я сказал, что имею отношение к железной дороге.

— Какое? — по-прежнему насмешливо спросил Григорий Михайлович. — Ездите на поезде? Встречаете на вокзале родственников? Провожаете?

— Нет. Я работаю путевым рабочим на станции Панки.

— Путевым рабочим? — Григорий Михайлович переспросил с недоверием, переходящим в почтение. Да и золотая молодость растерянно притихла. — Вы без шуток путевой рабочий? На железной дороге? Так вы бы с этого и начали! Тогда вы нам очень нужны для статистики. Меня начальство постоянно корит, что у нас в Центральном доме железнодорожников мало железнодорожников. Оставайтесь. Но сегодня я с вами поговорить не смогу, а завтра приходите в «Литературную газету». Я там временно заменяю Огнева.

Кто такой Огнев, я не знал, однако Левин сообщил о временной замене собой этого человека с гордостью, которая

объединения. Выступали два оппонента, а потом в обсуждение включались все сидящие в зале. Итог подводил Левин. Отталкиваясь от текстов обсуждаемого автора, он легко и свободно перемещался по бескрайним просторам словесности. На нас обрушивался мощный ураган цитат, ременищенций, аллюзий, размышлений и воспоминаний. Многие приходили на занятия только

Дом Григория Левина

ради этих минут, которые, как правило, растягивались до размеров огромной лекции. Невозможно сейчас представить себе, что ни у кого в то время не нашлось даже диктофона, чтобы хоть однажды записать эту блистательную, свободную, полную страстной любви к литературе речь. Увы, левинские лекции сохранились только в нашей памяти...

Конференц-зал был полон. За столом, стоящим в зале внизу перед сценой, Григорий Михайлович цитировал Маяковского, энергично размахивая руками. Голос Левина звучал всё ниже и становился всё громче, переходя почти в рычание, а стул, на котором он сидел, раскачивался и скрипел всё сильнее. Вдруг ножки стула подломились — и Левин очутился на полу. Зал отозвался взрывом хохота. Но Григорий Михайлович, казалось, даже не обратил внимания на то, что произошло, и с той же страстью продолжал чтение, всё так же размахивая руками. Зал затих, потрясённый. К упавшему тотчас бросились магистральцы, подхватили его под руки, помогли подняться, принесли другой стул, пока ещё целый, и усадили Григория Михайловича на него. Левин не прервал чтения ни на секунду.

Тут я не могу не вспомнить, как однажды поэт Владимир Леонович, в юные

побудила меня предположить, что Огнев — это очень большой человек, может быть, даже больше самого Левина.

— Приходите, — повторил Левин, — принесите стихи. Почитаем, подумаем, поговорим... Друзья мои, — обратился он уже ко всем. — Прежде чем начнем сегодня работать, сообщая вам о наших успехах.

Владимир ВОЙНОВИЧ

Левин Григорий Михайлович

* * *

Точно в назначенное время у входа в «Литературную газету» я был остановлен вахтером, который выспросил, кто я, куда иду. Я объяснил, что иду к Левину, который временно заменяет Огнева.

— Ах, Огнева! — Вахтер заглянул в какой-то список, в котором он искал, конечно, не Огнева, а меня. Огнева он знал и без списка. А меня нашел и — пропустил.

В лифте я поднимался вместе с полной женщиной, державшей на распостыренных руках ворох бумаг, сверху прижимая их подбородком. Она доехала до четвертого этажа, локтем или животом как-то открыла лифт, вышла, затем железную дверь толкнула назад ногой. Я сомкнул внутренние деревянные дверцы, нажал на кнопку шестого этажа. По дороге быстро вытащил из-за пазухи общую тетрадь. На шестом этаже растворил деревянные дверцы, а перед железной дверью задумался, не зная, как поступить. Ручки нет, есть загогулина, приспособленная, вероятно, для открытия двери, ну а вдруг это не то? Вдруг я на это нажму, и лифт вместе со мной рухнет? Почему же я не посмотрел, как поступила та женщина?

Мимо зацокала каблучками еще одна. — Извините, — обратился я к ней через сетку, — я не москвич, первый раз в жизни еду в лифте. Я не знаю, как выйти.

Она посмотрела на меня с большим любопытством. Возможно, впервые видела столь дикого человека. Улыбнулась и показала, что делать.

Дверь с табличкой «В.Ф. Огнев» я нашел без труда. Постучался. Дверь распахнулась, и в проеме с телефонной трубкой в руках появился Григорий Михайлович. Он был в рубашке со сдвинутым набором галстуком (пиджак на спинке стула), чем-то воодушевленный, озаренный и лохматый.

— Ах, это вы! Заходите. Садитесь, я договорю по телефону.

Я скромно опустился на стул, приставленный к стене, и подтянул штанины,

годы тоже посещавший «Магистраль», в Литературном музее на вечере, посвященном юбилею Галактиона Табидзе, абсолютно никак не реагируя на внезапно погасший свет, невозмутимо продолжал в полной темноте читать свои переводы. Это длилось довольно долго — до тех пор, пока не заменили перегоревшие пробки. «Школа Левина», — заключили те, кто знал Григория Михайловича.

А был ли Пушкин членом «Магистралей»?

Квартира Левина у метро «Проспект Вернадского». В гостях у Григория Михайловича поэт Валентин Дмитриевич Берестов и я. Комната, где мы сидим, проходная. Дверь из неё ведёт в смежную комнату: она совсем маленькая, и все стены её — с пола до потолка — в книжных полках. В середине комнаты — выше человеческого роста — гора рукописей, газет, книг... Это рукотворное чудо создано общими усилиями магистральцев: год за годом они приносят учителю свои рукописи и публикации. Левин собирается в дорогу — в Болшево или в Электросталь, где он, как и в «Магистралей», ведёт занятия в литобъединениях. оплачивается эта работа как выступления по путёвкам от Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей. Путёвки лежат в маленькой комнате на одной из книжных полок, справа от двери. Для того, чтобы их достать, нужны героические усилия: дверь в комнату возможно только чуть приоткрыть — мешает бумажный Эверест. Левин приступает к выполнению неразрешимой задачи: он должен проникнуть в маленькую ком-

нату и взять путёвки. Мы в Берестовым напряжённо наблюдаем, как Григорий Михайлович, игнорируя свои далеко не миниатюрные формы, отчаянно пытается протиснуться в узкую дверную щель. (Наше с Берестовым предложение о помощи было отвергнуто Левиным сразу и бесповоротно.) Наконец после долгих усилий Левин каким-то чудом всё-таки оказывается в смежной комнате. Тотчас раздаётся грохот, а следом за ним — безудержный хохот Левина: «Произошёл обвал!!!» Это рухнул бумажный Эверест и замуровал выход. «Валентин Дмитриевич! — кричу я Берестову. — Вы же в прошлом археолог! Необходимо срочно провести раскопки и вызволить Григория Михайловича!» Мы в Берестовым бросаемся на помощь. Вероятно, профессиональные навыки Валентина Дмитриевича всё-таки сыграли свою роль: после продолжительной совместной борьбы за освобождение Григория Михайловича из-под завалов творческого наследия его бесчисленных учеников, он вышел из комнаты с путёвками в руках!

Конечно, хранить в крохотной квартире такое количество книг и рукописей было невозможно. Ученикам же действительно не было числа. Мало кто из москвичей, пробующих свои силы в ли-

тературе, миновал «Магистраль». Поэт Павел Хмара, в прошлом тоже магистралец, прекрасно написал об этом:

О, «Магистраль» — великая держава,
И из нее в литературный мир
Ушли Войнович, Храмов, Окуджава,
Гомер, Овидий и Вильям Шекспир!
И я теперь уже уверен в этом,
Я в этой мысли затвердел, как сталь:
Когда поэт становится ПОЭТОМ?
Когда его признает «Магистраль»!
Вы с этим спорить станете едва ли:
Поэтам «Магистраль» — вторая мать...
А был ли Пушкин членом «Магистралей»?
Какой позор! Немедленно принять!

Левин в трубку:

— Ну, конечно, я вам говорю, это чистый Багрицкий. Помните, как у него: «Ах, вам не хочется ль под ручку пройтись?» Мой милый, конечно, хочется, хочется...» — Отводя трубку от губ, машет свободной рукой, делает мне рожи и шепчет:

— Ну что же вы не читаете? Читайте, не обращайтесь внимания.

Я в смущении и сомнении продолжаю:

...И вверху самолет
тянет по небу нитку последнюю,
и, как угли в костре...

— И сразу же, — продолжает Левин в трубку, — возникает остановка вокзала, и запах гари, и клубы пара, и вы ощущаете тяжелые усилия отходящего поезда, а может быть, между нами говоря, совсем не для печати... Там около вас дам нет?.. Тяжелые усилия поезда и вахханалия совоккупления. Вы чувствуете? «А поезд от похоти стонет и злится: хочется, хочется, хочется, хочется...» Кстати, эти стихи положены на музыку. Никогда не слышали? Извините, у меня слух не очень, но я попробую вам напеть... — Мне шепотом: — Я вам говорю, не обращайтесь на меня внимания, читайте дальше.

Я читаю:

...Догорает и тлеет заря.
Далеко-далеко
таракит катеришко измызганный...

Левин поет:

— «А поезд от похоти стонет и злится...» Нет, композитора я не помню. Может быть, это братья Покрасс, а может быть, и Богословский. Я не знаю. Хорошо, ладно, привет, у меня посетил. — Положил трубку, повернулся ко мне: — Неплохо. «Тихо падают вниз звезды первые белыми брызгами...» Есть ненавязчивая аллитерация, и рифма «измызганный — брызгами» не затаскана. Слишком литературно и ко-го-то напоминает, но для начала неплохо. Как это там? «Остывает земля, тени темные стелются...» Как? Медленно? Очень даже ничего.

Я был потрясен. Не столько оценкой, сколько необычайными способностями Григория Михайловича. Даже не представлял, что такое возможно. Читать, петь, слушать, запоминать и все это делать одновременно. Кто так умен? Юлий Цезарь? Наполеон? Кто-то из них. Оробел еще больше. Опять пришла

Завонин телефон.

— Извините! — Левин схватил трубку. — Алло! Слушаю! Рад вас приветствовать. — Прикрыв трубку ладонью, шепотом мне: — Читайте, читайте.

...И внизу корабли
пускают за борт якоря...

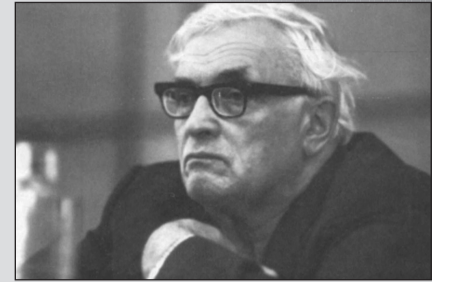
Григорий Михайлович Левин (25 октября 1917 — 31 октября 1994 г.) — поэт, переводчик, критик, литературовед и бесшумный, на протяжении полувека, руководитель знаменитого московского литературного объединения «Магистраль».

Творческую школу «Магистралей» прошли многие поэты, писатели и переводчики, чьи имена получили известность не только у себя на родине, но и далеко за её пределами.

Из этого литобъединения вышли Александр Аронов, Владимир Леонович, Павел Грушко, Тамара Жирмунская, Алла Калмыкова, Владимир Леванский, Владимир Леонович, Анатолий Марченко, Лариса Миллер, Булат Окуджава, Павел Хмара и многие другие.

В гостях у «Магистралей» бывали Павел Антокольский, Белла Ахмадулина, Владимир Высоцкий, Евгений Евтушенко, Николай Заболоцкий, Фазиль Искандер, Юрий Левитанский, Давид Самойлов, Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Дмитрий Сухарев, Арсений Тарковский, Илья Эренбург и многие другие.

Досье «Рубежа»

Ученики Григория Михайловича развлекались по свету и живут теперь в разных городах и странах, в том числе, в Германии. Кто-то из них связал свою жизнь с литературой, кто-то приобрёл профессию, далёкую от литературы. Но всех нас навсегда объединила «Магистраль», объединил наш учитель — Григорий Михайлович Левин, которого мы никогда не забудем и которого нам всем так не хватает.

Ученики Григория Михайловича развлекались по свету и живут теперь в разных городах и странах, в том числе, в Германии. Кто-то из них связал свою жизнь с литературой, кто-то приобрёл профессию, далёкую от литературы. Но всех нас навсегда объединила «Магистраль», объединил наш учитель — Григорий Михайлович Левин, которого мы никогда не забудем и которого нам всем так не хватает.

Ученики Григория Михайловича развлекались по свету и живут теперь в разных городах и странах, в том числе, в Германии. Кто-то из них связал свою жизнь с литературой, кто-то приобрёл профессию, далёкую от литературы. Но всех нас навсегда объединила «Магистраль», объединил наш учитель — Григорий Михайлович Левин, которого мы никогда не забудем и которого нам всем так не хватает.

Ученики Григория Михайловича развлекались по свету и живут теперь в разных городах и странах, в том числе, в Германии. Кто-то из них связал свою жизнь с литературой, кто-то приобрёл профессию, далёкую от литературы. Но всех нас навсегда объединила «Магистраль», объединил наш учитель — Григорий Михайлович Левин, которого мы никогда не забудем и которого нам всем так не хватает.

Наталья Генина

(Из книги «Рыцарь поэзии. Памяти Григория Левина», Москва «Волшебный Фонарь», 2012)

мысль, что если литературой занимаются люди с такими талантами, то куда же я-то суюсь? Правда, стишки мои мэтру вроде понравились. Но это он, может быть, просто так, из вежливости. Тем более что я железнодорожник. Думаю о своем, пропустил какой-то его вопрос.

— Что? — переспросил я. — Я вас спрашиваю, кого вы знаете из современных поэтов? — повторил Левин.

Из современных я уже знал кое-кого, но уверенно мог назвать только двух: — Твардовский, Симонов.

— А как относитесь к Луговскому? Что думаете о Луконине, Недогонове?

Как из корзины, посыпались имена: Заболоцкий, Кирсанов, Казин, Кульчицкий, Наровчатов, Самойлов...

Боже! Я потел, ерзал и ежился. Да откуда же мне знать все эти имена, если я не представляю себе даже, кто такой Огнев? Из десятка высказанных имен некоторые я все-таки слышал, но стихи никаких не знал и Левиным тут же был, конечно, раскушен.

— Если хотите стать поэтом, вы должны всех названных мною авторов знать наизусть. Не говоря уже о Пастернаке, Цветаевой и Ахматовой. Литературная работа требует колоссальных знаний. А ваш Твардовский, — сказал он с упреком, словно Твардовский был моим плохо воспитанным сыном, — вчера пьяный валялся в канаве.

Это сообщение я воспринял как лестное. «Ваш Твардовский». Я даже почувствовал себя ответственным за поведение Твардовского, защищая которого пробормотал: мол, с кем не бывает.

— Ну, хорошо. — Левин взглянул на часы и схватился за портфель. Вместе с ним он стащил со стола часть бумаг, которые с шестом расстелились по полу. Я кинулся их подбирать, но был остановлен небрежным жестом:

— Бросьте, некогда. Вы что сегодня делаете? Хотите поехать на мое выступление?

Я не поверил своим ушам. Как? Неужели? Такой человек, заменяющий самого Огнева, предлагает составить ему компанию.

— Вообще-то, я свободен, — сказал я, скрывая волнение.

— В таком случае поехали.

Левин нырнул в пиджак, зажал под мышкой портфель и ринулся к дверям. Запихнув тетрадь за пазуху, я побежал за ним. С каждой секундой темп ускорялся. Конец коридора одолели и запрыгали по лестнице вниз...

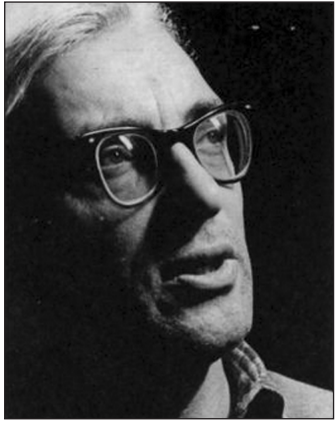
Из книги «Автопортрет. Роман моей жизни», Москва, «Эксмо», 2010

№ 11 (155), ноябрь 2017

Встреча для вас

РУБЕЖ 19

Григорий ЛЕВИН

Ландыши продают

На привокзальной площади
Ландыши продают,
Какой необычный, странный смысл
Ландышам придают.
Ландыши продают...
Почему не просто дают?
Почему не дарят, как любимая –
взгляд?
Ландыши продают ...
Непорочно белые, чистые,
Лучевидные и лучистые,
Непогрешимые – что им гроши мои? –
Ландыши продают.
Что звучит пошлей, чем
«пошла по рукам»? –
Но не тот ли смысл я словам придам,
Когда спрошу, Московой
проваландавшись:
«Почём ландыши?»
Почём свежесть?
Почём красота?
Почём нежность?
Почём чистота?

СТИХИ РАЗНЫХ ПЕТ

Почём воздух сегодня дают?

Не правда ли, странно,
когда услышишь:
«Ландыши продают»?

* * *

Мне кажется, что всё вокруг мертво,
Что в мир не пришло Рождество.
Что начиналась сразу всё с распятия.
К истоку всё-таки тянусь опять я,
Тянусь к истоку, чтобы всё понять.
Но трудно зло душе моей обнять.
Откуда же оно, ожесточенье?
Во зле таится страшное влечение.
Зачем оно? Что радости во зле?

Но небо убивают на Земле.

* * *

Не веруя в бога, я бога
хулить не хочу:
Он был утешением страждущих
и больных
В жестоком, проклятом мире,
где жить бесполезней,
Чем голову вдруг в охотку отдать
палачу.
И всё-таки надо
спасать и спасать других,
Хоть жизни своей последней
и страшной ценою,
Ценою прощенья,
прелестью всей земною,
Ценою потери любимых и дорогих.
Мне скажут:
– Одумайся. Успокойся. Окстись.
Грехи искупай,
чтобы в чистой предстать рубахе.
И пусть я унижен,
и ползаю пусть во прахе,
Спасаю других.
А мне – самому бы спастись.

Вот приблизился

«Вот приблизился предающий меня».
Матф., 26, 46

Я становлюсь недоверчивей
день ото дня:
Вот приблизился предающий меня.

Самые близкие предали – и не раз,
Не отводя дружелюбных,
внимательных глаз.

После они отводили эти глаза:
Тем, кто нас предал, в глаза нам
глядеть нельзя.

Я ж понимаю, даже и не виня:
Вот приблизился предающий меня.

Не уличаю, не обличаю, –
молчу.

Просто понять, просто
постигнуть хочу:

Что же за радость? Близкий,
почти родня...
Вот приблизился предающий меня.

* * *

А содержание каждого стиха
Накапливают клетки постепенно.
Терпение. Одно только терпенье.
Годами завершается строка.
Не пишется как будто ничего.
Но дышится. А это поглавнее.
Мы доживем до слова своего,
Голгофы нашей или Галилеи.
И будет час – от первого толчка
Проснётся то, что собиралось годы.
И душу нам увеселит строка
Взыскуемой тревоги и свободы.

«Жил на свете рыцарь бедный»

Григорий Левин воплощал эти известные черты поэта – был беден, даже безнадежно нищ в быту, царственно не замечая этого, был рыцарем поэзии – «одной, но пламенной страсти». Он и внешне походил – своей лёгкой летящей фигурой, белыми развивающимися космами, в плаще – на старого поэта из «Снежной маски» Блока, андерсеновских сказок, нордических мифов. Все его звали «Гриша». В нём было что-то от «блаженного Гриши».

Его имя я узнал из альманаха «День поэзии», первой ласточки оттепели после тоталитарных морозов. Мне, тогдашнему, с высокомерным презрением относившемуся ко всем иным стихам, кроме Пастернака, вдруг врезались в память искренние, вешние, безыскусные строки: «На привокзальной площади ландыши продают». И даже пастернаковская рифма «проваландавшись – ландыши» не могла испортить впечатление свежести и непосредственности.

Он вёл «Магистраль» – самую интересную поэтическую студию той поры. Читать там было и прекрасно, и опасно. Помню тогдашних магистральцев – похожего на кудрявого лицеиста Александра Аронова, Евгения Храмова, Нину Ярославскую. Всех их озаряло нищее самосожженчество Левина. Бескорыстие его. Некоторые, покинув гнездо, становились и конъюнктурщиками, и агрессивными завистниками. Но присутствие мэтра гасило в них низменные качества. В «Магистрале» они были поэтами.

Он был максималистом. Порой это всё губило. Но и в это он оставался поэтом.

Однажды, помню, Ярослав Смеляков ввёл меня в редколлегию «Дня поэзии». С тех пор я зарёкся и отказываюсь от

всех редколлегий. Но тогда, во время надежд, казалось, что можно что-то сделать. Помню первое заседание, оно было публичным. Тогда удалось пробить стихи Дмитрия Сухарева о севере, экспериментальную поэму авангардного мэтра. Но мне хотелось дать дорогу абсолютно неизвестным. Я позвонил Грише Левину и попросил прислать стихи магистральцев. На следующий день передо мной лежали две тугие папки с матерчатými завязками, наполненные стихами. Меня поразили стихи о горящих газовых комфорках, похожих на вазильки. Я отобрал ещё пять авторов. Наутро мне позвонил Гриша. «Как, только пять? – спросил он. – Я сейчас к вам еду». Мы просидели с ним целый день. Не дискриминируя ни одного автора, он влюблённо доказывал, что каждый достоин печати. На следующий день я отобрал ещё десять. Гриша Левин приехал ещё раз. Всё кончилось тем, что почти целая папка легла на стол Смелякова. Вы можете догадаться, что сказал и о стихах, и о Грише Ярослав Васильевич. Не буду изумлять читателей ненормативной лексикой. Гриша, помню, был сокрушён. Он переживал страшно, понимая, что всё погубил. Но – он остался поэтом.

В каждом поэте должно быть хотя бы немного Гриши Левина.

Помню одинокую фигуру с белыми патлами сухого Арагона, идущего по ночным Елисейским полям. Мне вдруг показалось, что мелькнул профиль Гриши Левина. И в Арагоне – на закате его дней – прорезался этот нищий, самосожженческий абрис поэта.

Мне стыдно, что до сих пор я не знаю его отчества.

Андрей Вознесенский